

МЕТОДОЛОГИЯ ВЫДЕЛЕНИЯ И ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕГО КЛАССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Тихонова Н.Е., д. с. н., зав. кафедрой социально-экономических систем и социальной политики
ГУ-ВШЭ, зам. директора Института социологии РАН
Горюнова С.В., научный сотрудник Института социологии РАН

В статье обосновываются методология и методика выделения среднего класса в современном российском обществе. На эмпирических данных показано, что выделенный на основе выбранных критериев средний класс обладает традиционно считающимися характерными именно для него ключевыми особенностями: спецификой занятости, распространенностью инвестиций в человеческий капитал, особенностями социального капитала и среды общения, наличием властного ресурса, включенностью в информационные технологии и т. д. Проанализированы перспективы расширения среднего класса в России и предпосылки возможности выполнения им функций гаранта социальной стабильности и субъекта модернизации.

В своей предыдущей статье [Тихонова, Горюнова, 2008] мы отмечали, что возникновение массового среднего класса в середине XX в. в Западной Европе и в США было обусловлено переходом западных стран к позднеиндустриальному обществу, вызвавшим изменения в структуре и формах организации промышленного производства и стимулировавшим развитие третьего сектора, а также появлением Welfarestate и изменением реализуемой государством социально-экономической политики. Поэтому первый вопрос, который встает при обращении к анализу наличия, численности и специфики среднего класса в России, на каком этапе развития находится сегодня российское общество и какую долю в его социально-профессиональной структуре занимают потенциальные представители среднего класса.

Ответ на этот вопрос далеко не очевиден, тем более что данные о социально-профессиональной структуре России, предоставляемые статистическими органами, и данные, получаемые на основе социологических опросов, демонстрируют разный вектор развития этой структуры: если одни говорят о ее движении в сторону позднеиндустриального общества (<http://www.gks.ru>), то другие — о прямо обратных тенденциях [Аникин, 2008]. Тем не менее при всей разнице имеющихся оценок динамики социально-профессиональной структуры российского общества они не позволяют говорить даже о теоретической возможности расширения в обозримой перспективе среднего класса до 60—70% занятого населения, а тем более населения страны в целом, поскольку доля всех работников нефизического труда (руководителей разного уровня, профессионалов и полупрофессионалов, включая военных, офисных работников, в том числе занятых обслуживанием клиентов технических служащих, а также малых предпринимателей, самозанятых и ремесленников, которые также традиционно относятся к среднему классу) на 2005 г. составляла, по дан-

ным РМЭЗ¹, 53%, а по данным ФСГС — 55% всех занятых². Однако далеко не всех из них по специфике их профессионального статуса можно отнести к среднему классу — например, заведомо не попадут в него такие представители нефизического труда, как продавцы уличных ларьков, приемщицы прачечных и химчисток и т. п.

Если проанализировать образовательный уровень занятого населения, включив в рассмотрение только тех, кто имеет хотя бы среднее специальное образование, т. е. согласно концепции «нового» среднего класса хотя бы теоретически может получать доходы на свой человеческий капитал, то их доля среди всех занятых составляет, по данным РМЭЗ, лишь 37%. С учетом представителей малого бизнеса она немного увеличивается, не превышая однако 40%. По данным же ФСГС, она заметно выше и составляет не менее 50% в каждой из возрастных когорт в диапазоне от 20 до 60 лет (<http://www.gks.ru>).

В любом случае, однако, при совмещении показателей профессионального статуса и наличия профессионального образования хотя бы второй степени мы получаем показатель максимально возможной численности среднего класса в современной России *не более чем в 50% занятых, а для населения в целом с учетом пенсионеров и того меньше*. Это тот внешний, структурный ограничитель, который демонстрирует не только потенциальные границы роста среднего класса в современной России, но и многое говорит об этапе развития, на котором сегодня находится ее экономика. Этапе, когда можно говорить в лучшем случае о переходе от индустриального к позднеиндустриальному типу развития и который соответствует скорее Западной Европе 1950—1970 гг., чем сегодняшнему состоянию европейского общества. Причем быстро измениться, учитывая заданность ее определенным уровнем развития экономики, профессиональная структура России не способна: каждое рабочее место, способное обеспечить занятому на нем работнику потенциальную принадлежность к среднему классу, стоит при его создании как минимум десятки, а зачастую и сотни тысяч рублей.

В то же время именно для этого этапа концепция среднего класса, как свидетельствует история ее эволюции, абсолютно адекватна. А это значит, что и для современной России эта концепция является потенциально очень плодотворной. Однако при анализе среднего класса в России стоит помнить, что сравнивать его, учитывая отставание в социально-экономическом развитии российского общества от обществ Западной Европы и Северной Америки практически на эпоху, надо не с существующим в них сегодня средним классом (или, точнее, ранее составлявшими средний класс этих стран группами с ныне различной исторической судьбой), а со средним классом этих обществ по состоянию на 1950—1970-е гг. В этом случае и в теоретическом, и в методологическом отношении все встает на свои места.

При этом практически полное отсутствие в России «старого» среднего класса, численность которого в некоторых европейских странах доходит до 12—15%, в теоретическом плане упрощает рассмотрение ситуации, позволяя

¹ РМЭЗ (российский мониторинг экономического положения и здоровья населения) — серия национальных репрезентативных опросов, проводимых для отслеживания эффекта реформ на здоровье и экономическое положение индивидов и домохозяйств в Российской Федерации. Демографические параметры выборки, объем которой составил в 2005 г. 12 237 человек (свыше 4500 домохозяйств) репрезентативны. Подробнее о выборке этого исследования см. www.cpc.unc.edu/projects/rfms/rfms_home.html.

² Рассчитано на основе данных раздела «Труд» официального сайта Федеральной службы государственной статистики (<http://www.gks.ru>).

сфокусироваться прежде всего на так называемом «новом» среднем классе и максимально точном его выделении из состава населения в целом.

Как же именно в методологическом и методическом плане это можно осуществить? Варианты методологии и критериев выделения среднего класса российскими авторами в последние годы предлагались разные. Ниже будут изложены результаты еще одной такой попытки и продемонстрировано, каковы наиболее характерные особенности того социального субъекта, который был выделен с использованием этой методики. Именно степень соответствия этих особенностей сущностным характеристикам среднего класса, о которых шла речь в первой нашей статье, позволяет, на наш взгляд, оценить саму методику как достаточно корректную, хотя, разумеется, не единственно возможную.

Сразу подчеркнем, что, поскольку нашей задачей являлось выделение среднего класса как реального социального субъекта, а не анализ его потребительских предпочтений, то методологической основой для выделения среднего класса могли послужить лишь два из описанных в первой нашей статье подходов — неовеберинский и ресурсный. Нами были опробованы оба подхода, и численность выделенного с их помощью среднего класса практически совпала, хотя на микроуровне (т. е. уровне отдельных респондентов) они пересекались лишь чуть более чем в половине случаев, включая в себя около 20% россиян. *Именно эту группу можно рассматривать как реальное ядро среднего класса в сегодняшней России.*

В то же время в обоих случаях выделенный средний класс оказался гораздо шире своего ядра. Такая разница между составом выделенных с помощью двух разных подходов «средних классов» объясняется прежде всего тем, что далеко не все, располагающие активами, способными приносить соответствующие доходы в развитых рыночных экономиках, и, следовательно, оказавшиеся в среднем классе, выделенном в рамках ресурсного подхода, могут получать на них ренты в условиях России. И каким бы замечательным, например, технологом в области машиностроения не был конкретный человек, но если в том городе, где он проживает, завод, занимавшийся ранее производством военной техники, втрое сократил производство, то рассчитывать на высокие ренты на свой человеческий капитал он не сможет. В то же время слабая конкурентность российской экономики, в том числе и относительно большая роль социального капитала в трудоустройстве «на хорошую работу», чем в высококонкурентных западных обществах, позволяет людям с низкими показателями ресурсообеспеченности вообще и человеческого капитала в частности получать сравнительно высокие, по российским меркам, доходы. Конечно, причины несовпадения на микроуровне выделенных с помощью двух этих методик гораздо многообразнее двух названных выше, однако именно эти две являются, на наш взгляд, основными.

Таким образом, *частичное несовпадение на микроуровне выделенных при применении ресурсного и неовеберинского подходов средних классов — свидетельство незавершенности формирования в России современной классовой модели общества, где уровень благосостояния человека прямо определяется спецификой принадлежащих ему активов, которые он может предложить на соответствующих рынках.* Причины этого — и закрытость локальных рынков труда в силу сложностей миграции, и разница в уровне зарплат в различных отраслях, и региональные и поселенческие неравенства, и т. д.

Тем не менее, учитывая обнаружившиеся различия между выделяемыми при использовании двух этих подходов средними классами, нам надо было определиться, какой же из них будет принят за основу при последующем

анализе — ресурсный или неовеберинский. Поскольку в данном случае приоритетной задачей исследования являлась оценка численности и специфики среднего класса, нами был избран неовеберинский подход³. В пользу целесообразности именно этого выбора говорило и то, что в рамках ресурсного подхода определение классовой принадлежности пенсионеров и других экономически неактивных россиян практически невозможно. В то же время, если бы предметом нашего исследования являлись причины непопадания в его состав групп, которые по своему профессиональному и образовательному статусу, казалось бы, должны были в нем оказаться, то предпочтительнее был бы ресурсный подход. Он же в гораздо большей степени подходит и для анализа всех проблем, связанных со спецификой места этого класса в системе отношений эксплуатации.

Однако в рамках неовеберинского подхода существуют две основные версии структурного анализа. Одна, характерная в большей степени для США, используя при выделении среднего класса многомерные шкалы, основное внимание уделяет экономическому статусу. Вследствие этого в состав среднего класса оказывается включена наиболее благополучная в материальном отношении часть рабочего класса. Другая, активно развивавшаяся в европейской традиции, основу классовой принадлежности видит в социально-профессиональном статусе. В этом случае часть рабочих также может оказаться в составе среднего класса, но это наиболее квалифицированные его представители. Для развитых рыночных экономик, где наибольшие доходы получают обычно наиболее квалифицированные представители рабочего класса, эта разница несущественна. Применительно же к условиям России это означает попадание в состав среднего класса из числа рабочих совершенно разных людей.

Отдельной проблемой выступало и то, как именно идентифицировать социально-профессиональный статус работников в условиях отсутствия обязательного общенационального регистра профессиональных статусов. Практически отсутствуют в России и различия в типе трудовых контрактов подавляющего большинства работающих россиян, лежащие в основе предлагаемой Дж. Голдторпом модели выделения средних классов. Ведущие к слабости позиций профессионалов в защите занимаемых ими сегментов рынка труда почти полное отсутствие ассоциаций профессионалов, формирование профсоюзов по отраслевому, а не профессиональному признаку и т. п. привели к тому, что подавляющее большинство занятого населения работает в современной России в рамках абсолютно идентичного оформления их трудовых отношений, а то, что Голдторп называет при выделении *service-class* «*service relationship*», присутствует у статистически незначимой части работников. Более того, если от традиционных для неовеберинского подхода моделей классового деления перейти к новым концепциям, которые предлагают положить в основу стратификации уже не интегральный профессиональный статус, а просто профессию, то ситуация запутывается еще больше. Так, бухгалтеров, инженеров, преподавателей и т. д. можно встретить сегодня в России почти во всех слоях общества, выделяемых и по их доходам, и по имущественному потенциалу, и по другим характеристикам их экономического статуса.

Это означает необходимость отказа в условиях современной России от сколько-нибудь развернутой разбивки социально-профессиональных стату-

³ Характеристика ситуации с составом, спецификой и местом в системе производственных отношений российского общества среднего класса, выделенного в рамках ресурсного подхода, дана в работе Н.Е. Тихоновой [Тихонова, 2007].

сов и требует замены последних какими-то интегральными характеристиками, задающих пусть мягкие, но существенно значимые для среднего класса особенности его производственной деятельности — например, нефизический характер труда как качественное отличие среднего класса от рабочих. С другой стороны, в условиях проблематичности для России характерной для США и западноевропейских стран жесткой связи экономического положения классов с их производственными позициями, требовалось дополнение критерия профессионального статуса другими, прежде всего экономическими, индикаторами, гасящими заведомую проблематичность идентификации профессиональных статусов, тем более при широком распространении других типов социальных неравенств (отраслевых, региональных и т. д.), обуславливающих качественные различия в положении представителей даже одних и тех же профессиональных статусов.

Учитывая все вышесказанное, после большой предварительной работы по анализу имевшегося эмпирического материала ряда общероссийских исследований 2003–2008 гг., нами было принято решение учитывать при выделении среднего класса обе версии неовебериянского подхода и использовать как равнозначные все базовые критерии отнесения к среднему классу, вытекающие из эволюции самой его концепции, но в максимально мягкой их версии⁴. В число этих критериев вошли: 1) для оценки *социально-профессионального статуса* — критерий нефизического характера труда; 2) для оценки *объема человеческого капитала* — критерий наличия как минимум среднего специального образования; 3) для оценки *экономического статуса* — критерий среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений для данного типа поселения или количество имеющихся товаров длительного пользования не ниже их медианного значения по населению в целом.

Что касается ситуации с социально-профессиональным статусом, то самым спорным моментом выступало включение/исключение из среднего класса рабочих (за исключением случаев наличия у них микро- и семейного бизнеса в строительстве и ремонте, автосервисе и т. п., когда они, как и другие представители «старого» среднего класса — самозанятые и предприниматели, — автоматически включались в состав среднего класса). Однако специально проведенный для выработки стратегии по отношению к этой группе анализ показал: группа работников физического труда, обладающих высоким уровнем квалификации, по многим ключевым параметрам (уровню образования, автономности, власти на рабочем месте, ценностям, уровню освоения инновационных практик и т. д.) качественно отличается в России от всех подгрупп среднего класса, выделенного без их учета. На основании несовпадения качественных характеристик этой группы с типичными для среднего класса было принято решение об автоматическом исключении рабочих из состава последнего, хотя часть из них вошла в его периферию.

Критерий наличия как минимум среднего специального образования, т. е. профессионального образования второй ступени, позволял выделить тех, кто имел относительно развитые профессиональные навыки, а следовательно, обладал человеческим капиталом, допускающим возможность получения на

⁴ Мягкость заданных критериев была связана прежде всего с предположением, что при использовании нескольких критериев выделения среднего класса она будет скомпенсирована жесткостью требования наличия всех четырех задававшихся признаков принадлежности к среднему классу как обязательных. Таким образом, с одной стороны, не будут потеряны пограничные случаи, а с другой — в состав среднего класса войдут только те, кто, демонстрируя спорность отнесения их к среднему классу по какому-то отдельно взятому критерию, все же могут быть отнесены к нему с учетом всей совокупности взаимосвязанных базовых признаков.

него доходов. Кроме того, именно этот образовательный уровень в российских условиях согласно квалификационным требованиям достаточен для занятия ряда рабочих мест профессионалов и менеджеров среднего и даже высшего звена (например, начальника отдела министерства или заместителя директора крупного предприятия).

Что же касается экономического статуса, то при его операционализации исходной посылкой выступало то, что этот критерий должен иметь определенное теоретическое обоснование, обусловленное спецификой самого места среднего класса в социальной структуре общества. Иными словами, *это должен быть такой уровень благосостояния, который обеспечивает ему как минимум простое воспроизводство себя как класса и своего человеческого капитала как основного актива, приносящего ему доход*. Предыдущие исследования показали, что медианный уровень доходов является в современном российском обществе нижней границей, позволяющей обеспечить простое воспроизводство человеческого капитала, — при более низком уровне дохода инвестиции в последний резко сокращаются, и даже простое его воспроизводство в межгенерационном аспекте не обеспечивается [Тихонова, 2007; Горюнова, 2006]. Необходимость же учитывать различия доходов в мегаполисах, областных центрах, средних и малых городах, поселках городского типа и селах была обусловлена различиями в ценах, натуральной составляющей доходов и спецификой образа жизни в этих типах поселений.

Однако введение в качестве критерия только уровня дохода не позволяло корректно учесть тех, кто испытывает временные трудности с текущими доходами (например, временные невыплаты заработной платы на работе, временный период безработицы и поиска работы, декретный отпуск и т. п.). Низкий уровень доходов тех, кто оказался в подобном положении, не означает, что их необходимо автоматически исключить из состава среднего класса — классовая принадлежность достаточно устойчивая во времени характеристика, и даже при снижении доходов обладает некоторой инерционностью. Этим было обусловлено применение второго, контрольного, критерия благосостояния — количества товаров длительного пользования (ТДП), которое должно было быть не ниже медианного для населения страны в целом. Этот критерий отражал сложившийся уровень жизни домохозяйства, не только текущие, но и накопленные во времени доходы. Отметим, что мы проверяли и другой критерий, учитывающий наличие только новых (не старше 7 лет) ТДП, однако различия оказались незначительными: выделенные по этим двум критериям группы оказались практически идентичными и характеризовались одинаковым распределением признаков⁵.

В то же время использование только критерия наличия определенного числа ТДП в качестве индикатора благосостояния оказалось некорректным: при этом сразу терялись, например, такие группы, как молодежь, которая не успела еще накопить достаточное количество имущества, но по всем остальным признакам, в том числе и по размеру и динамике доходов, попадала в средний класс. Поэтому при выделении среднего класса использовали оба вышеописанных критерия — при выполнении хотя бы одного из них индивид причислялся к среднему классу по своему экономическому

⁵ Стоит отметить, что еще несколько лет назад, в конце 1990-х гг., различия эти были весьма ощутимы. Видимо, старая ресурсная база населения, доставшаяся ему с советских времен, уже практически исчерпана, и нынешний товарный набор домохозяйств отражает успешность их адаптации к новым, рыночным условиям, выступая косвенным индикатором их места в сформировавшейся в последние годы модели стратификации.

статусу. Таким образом, это был довольно мягкий критерий, позволивший, однако, исключить из анализа при работе с данными исследования ИС РАН «Малообеспеченность в современной России» 2008 г.⁶ 17% работающего и 28% всего населения.

Наряду с тремя вышеперечисленными в качестве самостоятельного критерия принадлежности к среднему классу были использованы и некоторые особенности самосознания его потенциальных представителей⁷. Применение этого критерия позволило исключить из анализа тех, кто ощущал себя социальными аутсайдерами, а следовательно, заведомо отличался бы от среднего класса по характерным для него особенностям сознания и поведения. При введении его как дополнительного «фильтра» была учтена сложившаяся в России традиция использовать при выделении среднего класса в рамках неовеберианских подходов особенности его статусной самоидентификации [Малева и др., 2003; Беляева, 2001; Аврамова, 2002] и др. В то же время теоретическая строгость этого критерия вызывает серьезные сомнения, тем более что две трети не попавших в средний класс по критерию идентификации ставят себя обычно на третью снизу позицию на шкале статусов, которая часто свидетельствует не столько об объективно низком статусе, сколько о завышенных социальных притязаниях и большом разрыве между желаемым и реальным статусом респондента.

Выделенный на основе этих критериев **средний класс составлял в марте 2008 г. 34% всего взрослого населения страны и 42% экономически активного городского населения.** По сравнению с 2003 г. это очень большой рост: тогда средний класс составлял в составе населения в целом 29%, а среди экономически активного городского населения 33%, т. е. численность среднего класса за 2003–2008 гг. значительно выросла, особенно среди экономически активного населения. Однако в разных типах поселений численность среднего класса различалась и продолжает различаться очень значительно: если в столицах страны и национальных республик, а также в центрах краев и областей в составе *работающего* населения он составлял в марте 2008 г. почти половину (48%), то в селах — уже всего 26%. В неработающем населении его доля составляла 18%, колеблясь от 23% для городского населения до 13% для сельского населения. При этом в среднем классе лишь две трети неработающих составляли пенсионеры, а остальные были студенты, домохозяйки и т. п. В прочих же слоях населения девять из десяти неработающих были пенсионеры по возрасту или инвалидности (в периферии они составляли около половины).

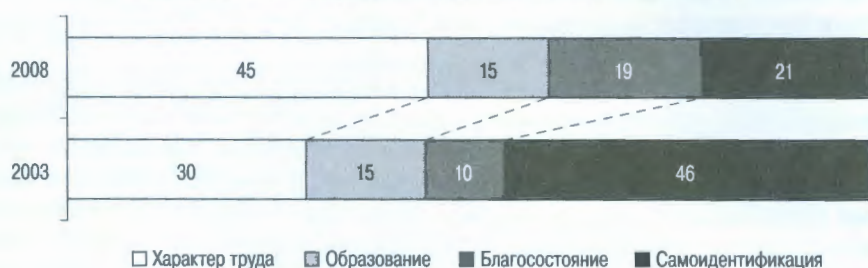
Периферия, то есть те, кому до включения в средний класс не хватало только одного признака, в марте 2008 г. включала 30% россиян⁸. Численно периферия за последние 5 лет практически не изменилась, хотя изменения удельного веса различных признаков, которые мешали респондентам попасть

⁶ Выборка этого общероссийского исследования ИС РАН, проходившего в марте 2008 г., насчитывала 1750 человек и репрезентировала население России по полу, возрасту, типу поселения и региону проживания.

⁷ При этом в зависимости от особенностей инструментария того или иного опроса могли использоваться разные шкалы, например, вертикальная 10-балльная шкала интегральной самооценки своего положения в обществе или совокупность горизонтальных 9-балльных шкал самооценки своего статуса на шкалах богатства, престижа и квалификации.

⁸ Поскольку нас интересовала перспектива возможного расширения среднего класса, мы отказались от рассмотрения особенностей среднего класса по отношению к рабочему и низшим классам, избрав для анализа не подход в рамках вертикальной стратификации общества, а другую исследовательскую модель — «ядро группы — ее ближняя периферия — ее дальняя периферия (трансгенная зона) — другая социальная группа».

Рис. 1. Удельный вес признаков, не позволяющих представителям периферии попасть в состав среднего класса в 2003 и 2008 гг., в %

в состав среднего класса, претерпели за эти годы значительные изменения (рис. 1).

Как видно из рис. 1, в 2008 г. в роли главного ограничителя расширения среднего класса выступает несоответствующий среднему классу социально-профессиональный статус (включая характер труда и образовательный уровень) — именно он задерживает в периферии 60% ее представителей. При этом резко сократилась значимость такого фактора, как самоидентификация, что отражает рост удовлетворенности россиян своим социальным статусом в последнее время.

По 6% всего населения страны составляют те, кому мешает попасть в средний класс низкая оценка своего социального статуса или уровень благосостояния тех его потенциальных представителей, кто по всем остальным критериям имеет основания для того, чтобы быть к нему причисленным. Как это ни покажется странным, но большую роль в увеличении уровня доходов потенциальных представителей среднего класса могло бы сыграть не только повышение зарплат бюджетников, но и повышение пенсий. Ведь в условиях увеличивающегося разрыва между средней пенсией и средней зарплатой домохозяйства потенциальных представителей среднего класса, имеющие в своем составе пенсионеров, часто не проходят в него по критерию благосостояния за счет понижающего влияния пенсионеров на среднедушевые доходы домохозяйств [Лежнина, 2008], и свыше 60% оказавшихся в 2008 г. в составе периферии по причине несоответствия их материального положения заданным критериям имели в составе домохозяйств пенсионеров.

В итоге, если суммировать всех, кто или уже входит в средний класс, или не добивается для попадания в него такого признака, который можно при соответствующей государственной политике добрать сравнительно быстро (т. е. уровня благосостояния и самооценки своего социального статуса в обществе), то мы выходим на цифру в 45%. С учетом тех 4%, кому для попадания в средний класс не хватает лишь необходимого уровня образования, это практически полностью соответствует данным о количестве рабочих мест, соответствующих профессиональным позициям среднего класса, в современной российской экономике, которые приводились в начале данной статьи. Учитывая, что соответствующие расчеты проводились не только на данных исследования «Малообеспеченность в современной России» (2008 г.) или на данных 14-й волны РМЭЗ 2005 г. и исследования «Социальные неравенства в социологическом измерении» (2006 г.), но и на двух массивах данных (15-я волна РМЭЗ и результаты исследования «Городской средний класс в современной России»), полученных различными исследовательскими коллективами на разных выборках, но в одно и то же время (сентябрь 2006 г.) и давших при суммировании показателей реальных и потенциальных представителей среднего класса одну и ту же цифру, достоверность этого показателя можно рассматривать как весьма высокую.

Итак, 50% населения, входящего в состав среднего класса — тот предел, который способна обеспечить современная российская экономика без ее серьезной структурной перестройки, но при активной государственной социально-экономической политике, на ближайшие 10–12 лет. Если же говорить не о среднем классе, а о средних слоях, выделяемых только по критерию благосостояния, то стоит напомнить, что в условиях глобализации экономики и распространения аутсорсинга массовое повышение заработной платы работникам средней и низкой квалификации сверх некоторого предела не может быть длительным. А это значит, что только изменение удельного веса в российской экономике рабочих мест, предполагающих высококвалифицированный труд, может обеспечить устойчивое расширение средних слоев.

Тем не менее при всей невозможности выйти в ближайшие годы на показатели в 60–70% среднего класса в общей численности населения, общая картина с ним в современной России не столь уж плоха и очень напоминает ситуацию со средним классом в Западной Европе примерно в середине прошлого века. Качественные отличия России от стран Западной Европы 40–50 лет назад, на этапе перехода от индустриальному к позднеиндустриальному развитию, заключаются в другом. Это, во-первых, огромная для индустриально развитой страны доля сельских жителей, очень низкий уровень производительности труда в сельском хозяйстве, разрыв в доходах между городом и деревней, маргинализация и люмпенизация значительной части сельского населения и населения малых городов и поселков городского типа⁹. Во-вторых, крайне слабая система пенсионного обеспечения, построенная на принципах уравнительности, в которой практически не учитываются прежний профессиональный статус и уровень доходов, что приводит к автоматическому выпадению из среднего класса при выходе на пенсию его бывших членов — ситуация, противоестественная для любого классового общества, где демографические характеристики в массовом масштабе не могут влиять на классовую принадлежность. А в-третьих, это уже очень острая международная конкуренция в тех отраслях экономики, которые способны обеспечить рабочими местами средний класс, в отличие от ситуации в Западной Европе и США в прошлом веке. В итоге действия факторов, преодолеть негативное действие которых вряд ли удастся в ближайшие 10–12 лет, *Россия не может рассчитывать на столь быстрый рост среднего класса в структуре населения, как это было присуще так называемым развитым странам в прошлом веке. Кроме того, еще одной важной специфической чертой России является сконцентрированность основной массы среднего класса (47% всех его работающих представителей при 36% в среднем по массиву) в государственном секторе, что накладывает весьма своеобразный отпечаток и на его качественный состав, и на характерные для него поведенческие паттерны, и на его сознание.*

Однако все вышесказанное лишь количественно характеризует ситуацию в современной России. Насколько же точно, с точки зрения его качественных особенностей, выделен искомый средний класс? Каковы наиболее характерные черты этой социальной группы?

Для ответа на эти вопросы нами была проведена проверка статистических связей принадлежности к среднему классу, его периферии или прочим

⁹ При этом, что очень существенно, доля городского населения в последние 20 лет в России практически не растет, в отличие от ситуации в Западной Европе в середине прошлого века, где не только была гораздо выше степень урбанизированности, но и в малых городах и селах нормы городского образа жизни, включая распространенность экономической рациональности и технологической дисциплины, восприимчивость к инновациям и т.д., были распространены несравненно шире, чем в российских селах и поселках городского типа сегодня.

слоям населения со всеми без исключения переменными массивов данных исследования «Малообеспеченность в современной России», РМЭЗ 2005 г., а также двух массивов данных 2006 г. — РМЭЗ (15-я волна) и «Городской средний класс в современной России». Сравнительный анализ показал, что, несмотря на специфику выборки каждого из этих исследований, особенности их инструментария и т. д., картина характерных особенностей выделенного согласно предложенной методике среднего класса в них имеет очень много общего. Во всех массивах данных в числе наиболее характерных особенностей российского среднего класса оказались (в порядке убывания значимости):

- *включенность в систему информационных технологий* (связь основной производственной деятельности с использованием компьютера, частота его использования, наличие навыка работы на компьютере, совершенствование соответствующих навыков работы, наличие компьютера дома, использование его в досуговой активности и т. д.);
- *качественные характеристики занятости*, включая степень автономности труда, самооценки престижности и интересности работы, отрасль занятости, специфику трудовых мотиваций и требований к работе и т. д. (вспомним в этой связи концепцию Голдторпа);
- *наличие властного ресурса*, включая даже тех, кто не занимает руководящих должностей (что заставляет вспомнить уже концепцию Райта);
- *принципиально иные, чем у остальных слоев, жизненные шансы* — и в плане общей возможности что-то изменить к лучшему в своей жизни, включая карьерный рост, и в части ряда конкретных особенностей потребления;
- *специфика круга общения* (прежде всего по уровню образования лиц, составляющих ближайшее окружение, и места общения с ними), *идентичностей* (большая роль идентификации себя с интеллигенцией и средним классом) и *ценностей*, включая характеристики, свидетельствующие о степени модернизированности сознания и поведения, распространенность неконформистских ориентаций и патерналистских ожиданий и т. д.;
- *особенности досуговой активности* (активный тип досуга, включающий посещение театров, концертов, кино, музеев, спортклубов, секций, распространенность дополнительного образования, чтение газет и журналов и т. д., а также интерес к самообразованию, моде, театру и изобразительному искусству, зарубежной литературе, классической музыке, современной и классической русской литературе и т. д.);
- *наличие социального капитала* (наличие в ближайшем окружении семей, которых сами респонденты считали богатыми, возможность решить с помощью знакомых такие проблемы, как устройство на хорошую работу, поступление в хороший вуз, продвижение по карьерной лестнице и т. д.);
- *относительно лучшее здоровье и внимание к нему* (использование рекреационных и медицинских услуг, относительно более редкое, чем в других слоях, употребление спиртных напитков, особенно крепких, и т. д.).

Учитывая эти особенности, не удивительно, что выделенный средний класс характеризовался заметно *более высокой степенью удовлетворенности своей жизнью и социальным статусом, оптимизмом на будущее, включая уверенность в своем относительно благоприятном положении на рынке труда*, чем остальные

Таблица 1. Включенность в информационные технологии и другие особенности человеческого капитала различных социальных слоев, 2008 г., в % от их работающих представителей*

Характеристики	Средний класс	Периферия	Прочие массовые слои
Имеют навыки работы на компьютере или приобретают их	80	56	26
Пользуются компьютером не реже нескольких раз в неделю	79	39	17
Работа предполагает использование компьютера (постоянно или иногда)	71	34	14
Имеют дома компьютер	66	41	21
Имеют навыки работы на иностранных языках или приобретают их	23	9	5
Никак не повышали за последние 3 года уровень своей квалификации	32	56	73
Имеют продолжительность дневного обучения менее 15 лет	49	83	97

* Жирным шрифтом выделены позиции, по которым средний класс качественно отличается от остальных слоев населения. Все взаимосвязи, представленные в статье, проверялись на статистическую значимость с помощью различных критериев в зависимости от шкал исследуемых переменных (Хи-квадрат, коэффициент V Крамера, коэффициенты Пирсона, Спирмена, корреляции и т. п.).

массовые слои населения, и рядом других особенностей, традиционно приписываемых именно среднему классу.

Как видим, статистически значимые особенности выделенного с помощью предложенной методики российского среднего класса позволяют говорить о том, что мы получили именно тот специфический социальный субъект, который искали. Об этом говорит и анализ специфики проявления в среднем классе этих особенностей, прежде всего специфики человеческого капитала его представителей и их отношения к инвестированию времени, сил и денежных средств в этот основной именно для среднего класса вид активов. И хотя в российских условиях это связано прежде всего с освоением инновационных технологий, и другие виды инвестирования в свой человеческий капитал встречаются в нем заметно чаще, чем в остальных слоях населения (табл. 1).

Таким образом, *средний класс качественно отличается и по степени включенности в информационные технологии, и по своему человеческому капиталу, и по отношению к нему от своей периферии, а тем более от прочих слоев населения. И хотя представители периферии в большинстве своем также уже имеют навыки работы на компьютере или приобретают их, по реальному использованию и компьютера, и Интернета, причем как в производственной деятельности, так и дома, периферия очень сильно отстает от среднего класса. Отстает она и по всем характеристикам, связанным с другими особенностями качества человеческого капитала и инвестициями в него. Причем накапливаясь по каждой отдельной позиции, включая платные и бесплатные формы наращивания своего человеческого капитала, это отставание дает качественный скачок при обращении к итоговому показателю — доле тех, кто никак не повышал за последние 3 года свою квалификацию, а также числу лет дневного обучения. Таким образом, численное расширение российского среднего класса за счет ранее входивших в его периферию и характеризующихся иными поведенческими паттернами россиян ведет к понижению качества самого среднего класса.*

Отчасти этим обусловлено и то, что для *российского среднего класса в ближайшие годы будет характерно совмещение во времени двух процессов: его расширения, с одной стороны, и расслоения — с другой*. Это связано с тем, что отсутствие денежных и временных инвестиций в свой человеческий капитал характеризует именно тех его представителей, кто итак отстает по качеству своего человеческого капитала от тех, кто эти инвестиции осуществляет. Так, например, среди тех представителей среднего класса, никак не пополнявших за последние 3 года свои знания (32% всего среднего класса), умеют работать на компьютере лишь 45% при 83% у тех, кто использовал те или иные способы их пополнения. Втрое различаются у них и показатели распространенности владения иностранным языком и т. д.

Это связано, видимо, с особенностями усвоенных ими в процессе социализации моделей поведенческих практик по отношению к своему человеческому капиталу. Во всяком случае, если у не повышавших свою квалификацию родители имели высшее образование лишь в 16% случаев, то у повышавших — вдвое чаще (36%). При этом 41% последних (в отличие от 29% тех, кто никак не повышал свою квалификацию) выросли в Москве, Санкт-Петербурге, столицах республиках или центрах краев и областей.

Однако главной причиной столь разного поведения представителей российского среднего класса по отношению к своему главному активу — человеческому капиталу, являются все-таки особенности профессиональных позиций этих групп. Наименее склонны к освоению новых знаний те представители среднего класса, чья работа не требует человеческого капитала высокого качества, а при своем изначально худшем его качестве (64% повышавших свою квалификацию уже имели высшее образование, хотя не повышавшие имели этот уровень образования лишь в 43% случаев) и относительно более низком культурном потенциале на другой тип занятости они просто не могут претендовать. Во всяком случае, у 80% повышавших свою квалификацию в последние три года работа предполагала использование компьютера, в то время как у не повышавших ее — лишь в 37% случаев. Более того, если не повышавшие свою квалификацию лишь чуть более чем в трети случаев могли влиять на принятие решений у себя на работе (как в масштабах предприятия в целом, так и на уровне своих подразделений), то у инвестировавших время, силы и деньги в свой человеческий капитал такой возможностью располагали уже около двух третей. Да и сама работа у них даже при формально одинаковых профессиональных статусах качественно различалась: повысившие свою квалификацию чаще говорили о том, что их работа дает возможность проявить инициативу, выше были у них и показатели оценки своей работы как интересной, предоставляющей возможность сделать карьеру, общественно полезной и т. д. Косвенно о разных жизненных шансах и карьерных траекториях представителей двух этих групп свидетельствовало и то, что 41% повышавших свою квалификацию при 23% у не повышавших ее получили за последние 5 лет повышение в должности на старой работе или при ее смене и т. д.

В то же время, с точки зрения степени автономности труда, различия между этими группами были незначительны, хотя с точки зрения их профессиональных статусов в первой группе доминировали работники торговли и сферы бытовых услуг (30%), а во второй — специалисты (43%), т. е. группы, качественно различающиеся в развитых странах автономностью их труда и попадающие и в рамках схемы Голдторпа, и в схеме Райта в разные подгруппы среднего класса. *Это свидетельствует о неадекватности для индустриальной и*

Таблица 2. Особенности занятости различных социальных слоев, 2006 г. *, в % от их работающих представителей

Особенности занятости	Средний класс	Периферия	Прочие массовые слои
Место работы в жизни («работа это..») – важнейшая сторона жизни и возможность проявить себя; – способ получения общественного одобрения и признания.	60 21	31 14	21 9
Степень автономности на работе (самостоятельное или совместное с руководителем принятие решений) в принятии решений о: – том какие задания выполнять; – темпе работы; – времени ухода в отпуск.	52 71 77	35 57 57	18 42 48
Карьерный рост (получили за последние 5 лет повышение в должности)	42	24	14
Самооценка престижности их деятельности по 10-балльной шкале (позиции 5 и выше)	74	46	26
Способны повлиять на принятие решений в масштабе всего предприятия или своего подразделения	68	42	13
Самооценка уровня своего властного ресурса по 10-балльной шкале (позиции 3 и выше)	60	43	22

* В связи с отсутствием в инструментарии исследования 2008 г. соответствующих вопросов в таблице 2 приводятся данные исследования 2006 г. «Городской средний класс в современной России», выборка которого включала **экономически активное городское** население.

позднеиндустриальной рыночной экономики системы организации труда и производственных отношений в целом в современной России, а также о ряде внешних ограничений, с которыми сталкивается средний класс в своей деятельности.

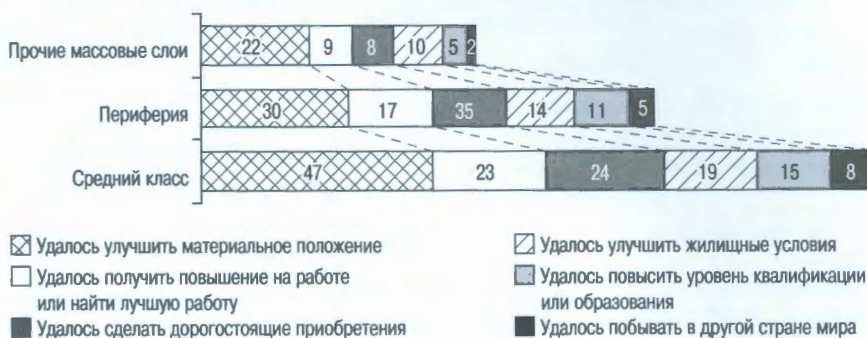
Заметные различия в их производственной деятельности и властном ресурсе характеризуют не только разные подгруппы российского среднего класса, но и в целом средний класс по отношению к другим слоям населения страны (табл. 2).

Не комментируя достаточно красноречивые данные табл. 2, рассмотрим другие характерные особенности российского среднего класса, которые во многом являются производными от его места в системе производственных отношений. Ведь *отличия жизненных шансов его представителей сконцентрированы не только в сфере производственной деятельности и возможности наращивать свой человеческий капитал, но и в сфере потребления, и, что самое главное, в возможностях что-то изменить к лучшему в своей жизни в целом.* Так, 54% работающих представителей среднего класса ожидает, что в предстоящем году их положение улучшится, в то время как в периферии оптимистов менее половины (43%), а в прочих слоях населения — уже всего около трети (35%). Причем если посмотреть на то, как различаются реальные «достижения» представителей разных слоев населения за последние 3 года в различных областях, то такая оценка их вполне обоснована (рис. 2).

При этом всего 24% работающей части среднего класса и 28% среднего класса в целом не удалось добиться ничего из перечисленного на рис. 2, в то время как по периферии эти показатели составили 46 и 49%, а по прочим слоям населения — 63 и 74% соответственно.

Не останавливаясь на проблеме жизненных шансов представителей разных классов в современной России более подробно, зафиксируем лишь, что специфика их проявляется практически по всем вопросам. Причем это именно специфика классовых позиций, а не только различий в уровне матери-

Рис. 2. Доля сумевших достичь в течение 3-х лет перед опросом тех или иных значимых улучшений своей жизни в различных социальных слоях, 2008 г., в % от имевших эти улучшения

ального благосостояния. Так, например, лишь 24% представителей среднего класса с доходом, равным или выше медианного, для массива в целом не добились ничего из представленного на рис. 2. В то же время по периферии этот показатель составил 41%, а по прочим слоям населения — 58%. Более того, даже если выделить группу с очень близкими показателями дохода, например от пяти до семи с половиной тысяч рублей, то отличие жизненных шансов представителей среднего класса от остального населения разительно: лишь 31% представителей среднего класса из этой доходной группы не смогли добиться соответствующих положительных сдвигов в жизни, при том что для периферии этот показатель составил 48%, для прочих слоев населения — 66%, а для населения в целом с этим уровнем дохода — 46%.

Столь же разительно различаются и показатели по другим краеугольным вопросам, связанным с текущим потреблением и возможностями расширения своих жизненных шансов на будущее у представителей среднего класса и других социальных слоев (табл. 3).

Как видно из данных табл. 3, российский средний класс характеризуется не только явно лучшими условиями жизни, специфика которых заметна даже с учетом разницы уровня запросов представителей разных классов, но и качественно различным объемом их социального капитала, обеспечивающего в российских условиях не только ощущение большей прочности своего положения, но и принципиально разные жизненные шансы на будущее.

К сожалению, в статье невозможно дать даже краткую характеристику всех особенностей российского среднего класса на фоне остальных слоев российского общества, и мы вынуждены почти полностью обойти вниманием все проблемы, связанные с особенностями сознания российского среднего класса, сосредоточившись в основном на характеристике его структурных позиций. Однако они также фиксируются достаточно отчетливо (табл. 4).

Как видно из данных, представленных в табл. 4, в отношении его мировоззрения и психологических особенностей российских средний класс также характеризуется чертами, обычно ассоциирующимися со средним классом развитых стран: наличием достижительных мотиваций, нонконформизмом, ориентацией на собственные силы.

Нельзя обойти вниманием и такую, тесно связанную с особенностями мировоззрения российского среднего класса, проблему, как способность среднего класса нашей страны стать залогом ее успешного и стабильного развития. Проблема эта имеет много аспектов, которые отнюдь не сводятся к вопросу о динамике благосостояния представителей среднего класса и их

Таблица 3. Особенности жизненных шансов в непроизводственной сфере и социального капитала различных слоев населения, 2008 г., в %

Особенности	Средний класс	Периферия	Прочие массовые слои
<i>Жизненные шансы и специфика потребления</i>			
Считают, что живут не хуже других	50	35	30
Самооценка своей жизни в целом как хорошей	44	28	12
Самооценка доступности необходимого образования и знаний как плохой (для работающего населения)	11	26	46
Самооценка питания как хорошего	56	41	21
Самооценка жилищных условий как хороших	44	33	22
Самооценка возможностей проведения досуга как хороших	42	32	18
Самооценка возможностей проведения отпуска как хороших	31	18	7
Наличие недвижимости (дачи, садового участка с домом или без, гаража, второго жилья)	56	47	32
Наличие автомобиля, в том числе иномарки	57 25	43 11	27 4
Наличие сбережений	39	28	18
<i>Социальный капитал</i>			
Имеют знакомых, способных помочь в устройстве на хорошую работу	25	19	10
Имеют знакомых, способных помочь в поступлении в хороший вуз	11	4	2
Имеют знакомых, способных помочь в продвижении по карьерной лестнице	8	4	2
Имеют знакомых, способных помочь в устройстве детей в хорошую школу	12	8	5
Имеют знакомых, способных помочь в решении жилищной проблемы	5	5	4
Имеют знакомых, способных помочь в обращении к хорошим врачам или устройстве в хорошую больницу	34	26	17
Не имеют знакомых, способных помочь в решении всех вышеперечисленных вопросов	39	53	69
Имеют знакомых, способных дать в долг крупную сумму денег	43	37	30
Имеют богатые семьи в ближайшем окружении (родственники, знакомые, друзья), в том числе 3 и более таких семей	69 23	58 16	42 10

толерантности к властным структурам. Гораздо важнее в этой связи следующее. *Это, во-первых, способность среднего класса выступить субъектом завершения социокультурной, экономической и политической модернизации России, и, во-вторых, способность его выступить в российских условиях гарантом не просто устойчивого и стабильного, но и прогрессивного развития страны.*

Эти вопросы тесно связаны между собой, и каждый из них заслуживает отдельного подробного рассмотрения. Однако мы лишь обозначим их, сфокусировавшись на тех подводных камнях в этой области, которые обычно остаются вне поля зрения исследователей. Начнем с проблемы способности среднего класса выступить в роли субъекта модернизации, затронув лишь один ее аспект: динамику распространенности мировоззрения модернистского типа в российском среднем классе. Для анализа этой проблемы нами был использован специальный индекс модернизованности сознания и

Таблица 4. Особенности мировоззрения и социально-психологического состояния различных слоев населения, 2008 г., в % от их работающих представителей

Особенности	Средний класс	Периферия	Прочие массовые слои
<i>Некоторые особенности жизненных установок и мировоззрения</i>			
Задача сделать карьеру не входила в состав жизненных планов	29	42	54
Согласие с суждением: «Ни в коем случае нельзя допустить передела собственности, так как это может вызвать слишком большие потрясения в обществе»	56	47	38
Согласие с суждением: «Настоящая демократия невозможна без политической оппозиции»	53	50	42
<i>Некоторые особенности психологии</i>			
Выбор суждения: «Выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью лучше, чем жить как все» в альтернативе с «Жить как все лучше, чем выделяться среди других»	34	47	62
Выбор суждения: «Мое материальное положение зависит прежде всего от меня» в альтернативе с «От меня мало что зависит — важно, какая экономическая ситуация будет в стране»	38	46	58
Часто ощущали чувство беспомощности повлиять на происходящее вокруг	14	24	31

поведения россиян¹⁰, который позволял выделить в составе различных социальных групп ядра носителей модернистского и традиционалистского типа сознания, а также периферию двух этих групп. Как показало исследование, по состоянию на весну 2008 г. общая картина представленности их в составе среднего класса выглядела следующим образом (рис. 3).

При этом для работающей части среднего класса, проживающей в городах, доля модернистов составляла в 2008 г. 31%, а их периферии — 34%. С одной стороны, эти показатели кажутся достаточно высокими, но с другой — если сравнить их с данными 2006 г., то оснований для оптимизма становится заметно меньше: тогда они составляли соответственно 33 и 45%. При этом доля ядра традиционалистов в среднем классе тогда составляла всего 1%. Если учесть, что индекс измерял такие характеристики респондентов, как ориентацию на саморазвитие, свободу и достижения, осознание плюрализма интересов индивидов и социальных групп и степень толерантности к этому плюрализму, представление о демократической организации общества как форме согласования плюрализма интересов, преобладание рационально обусловленных действий, прежде всего в сфере экономических решений, личную ответственность индивида за свою судьбу и наличие внутреннего локус-контроля и т. п., то столь значительный откат назад представителей среднего класса меньше, чем за 2 года, по меньшей мере тревожит. Симптоматично, что, хотя этот своеобразный ренессанс традиционализма затронул все социальные группы, ярче всего он проявился среди работников государственных предприятий и учреждений: в 2008 г. лишь 26% их можно было отнести к модернистам и 36% к периферии, в то время как в 2006 г. эти показатели составляли 33 и 42% соответственно.

¹⁰ В рамках решения задачи операционализации индикаторов социокультурной модернизации мы опирались на набор признаков традиционных и современных обществ, выделенных при анализе эволюции концепции модернизации во второй половине XIX — начале XXI вв. (см.: [Тихонова и др., 2007 а, б]). Всего было выделено 23 индикатора, характеризующих степень модернизированнойности как сознания, так и поведения респондентов. Затем на основе обобщения этих двух шкал был построен итоговый индекс социокультурной модернизированности [Аникин и др., 2007].

Рис. 3. Показатели итогового индекса модернизированности сознания и поведения в разных социальных слоях, 2008 г., в %

Таким образом, совсем не очевиден тот факт, что средний класс уже самим фактом своего наличия обеспечит успешное продвижение России по пути модернизации, хотя пока он в большинстве своем действительно может служить опорой при модернизации страны. В то же время дальнейший рост его численности за счет периферии может привести к качественному изменению этой картины. Не случайно если в 2006 г. средний класс составлял в экономически активном городском населении 35%, то в 2008 г. — уже 41%.

Точно так же достаточно спорно, что в российских условиях средний класс заведомо будет являться гарантом стабильного и устойчивого развития страны. Точнее, *если Россия будет развиваться по намеченному руководством страны инновационному пути развития с сопутствующим ему ростом высокотехнологических отраслей, в том числе и в сфере услуг, он сможет обеспечивать стабильность и устойчивость такого типа развития, так как его классовые интересы будут совпадать с общим вектором развития.* Если же Россия будет продолжать развиваться в качестве энергетической сверхдержавы, то *его классовые интересы войдут в противоречие с общим вектором развития.* Для энергетической державы не нужен массовый средний класс, и даже относительно высокий уровень жизни населения не сможет компенсировать в полной мере того демпинга на рынке труда высококвалифицированной рабочей силы, который в этом случае будет неизбежен.

Немаловажно в оценке способности российского среднего класса выступать гарантом стабильности развития страны и то, из кого преимущественно будет состоять этот класс с учетом динамики изменения его численности: будет ли он объединять в основном тех, кто обладает достаточно развитым человеческим капиталом и заинтересован в развитии конкурентной экономики современного типа, или это будут прежде всего рядовые служащие госсектора, силовики и специалисты-бюджетники — те, кто получает свои основные доходы от государства, а следовательно, заинтересован не столько в развитии в России конкурентной среды, сколько в высоких доходах бюджета, способных обеспечить им повышение зарплат. Или же костяк российского среднего класса составят работники торговли, сферы бытовых услуг и технические служащие?

Однозначно ответить на вопрос о том, каким путем дальше пойдет развитие российского среднего класса пока сложно, хотя более вероятен на ближайшую перспективу все-таки второй из них. Бесспорно одно — *средний класс в России есть, и численность его растет, хотя в условиях глобализирующейся экономики структурные предпосылки для его роста менее благоприятны, чем это было полвека назад в странах Западной Европы и США.* При этом ядро среднего класса, оказывающееся в его составе при использовании любой методики выделения среднего класса, составляет примерно пятую часть населения

страны. В зависимости от жесткости используемых критериев и особенностей выбранной методики численность среднего класса может различаться, но *максимальная его оценка на данный момент составляет треть населения страны (при более чем 40% для экономически активного городского населения). При этом максимально возможная в среднесрочной перспективе без структурной перестройки экономики доля среднего класса в составе населения — не более 50%.*

В то же время надо отдавать себе отчет в том, что, хотя периферию формально отличает от среднего класса только отсутствие одного из четырех признаков, этот массовый субъект демонстрирует иные поведенческие паттерны, стратегии и ценности. *И расширение среднего класса за счет периферии ведет к относительному ухудшению его качественных характеристик.* Учитывая вышесказанное, можно достаточно уверенно утверждать, что *для российского среднего класса в ближайшие годы будет характерно совмещение двух процессов: его расширения, с одной стороны, и расслоения — с другой. Более того, судя по имеющимся данным, процесс усиления внутренней дифференциации среднего класса уже идет достаточно активно.*

Это расслоение не только углубит различия между разными вертикально стратифицированными слоями среднего класса, различающимися уровнем жизни, но и между подгруппами этого класса, различающимися спецификой их места в системе производственных отношений. Причем это может быть как разница активов, на которые они получают основные доходы — человеческим капиталом, с одной стороны, властным или социальным капиталом, с другой, так и специфика их места в отраслевом разделении труда, детерминирующая наличие рент за счет занятости в определенных, находящихся в особо благополучном положении, отраслях или даже отдельных фирмах. В результате *пока сложно говорить о единстве классовых интересов этого достаточно гетерогенного социального субъекта. В то же время для большинства его представителей характерно наличие сравнительно развитого человеческого капитала, и это обуславливает наличие у них общих классовых интересов в плане заинтересованности в повышении отдачи от инвестиций в человеческий капитал и в такой модели развития экономики страны, которая сможет гарантировать такое повышение.*

По всем своим качественным особенностям, включая уровень и характер потребления, российский средний класс соответствует среднему классу западноевропейских стран и США, когда они переживали тот же этап экономического развития, что переживает сейчас Россия, а именно этап перехода от индустриального к позднеиндустриальному периоду развития. И то, что они этот этап проходили полвека назад, не отменяет того, что именно для этого периода концепция среднего класса работает наиболее эффективно.

В этих условиях вполне закономерно, что и у *российского среднего класса обнаруживаются все традиционные его особенности.* В сфере занятости это особенности карьерных траекторий, специфика трудовых мотиваций, престижность соответствующих видов деятельности в обществе, наличие властного ресурса и, хотя и в меньшей мере, степень автономности труда. В отношении специфики человеческого капитала российского среднего класса — это наличие в прошлом продолжительного периода обучения, включенность в информационные технологии как на работе, так и вне ее, поддержание, а для части среднего класса и наращивание объема своего человеческого капитала и многие другие его особенности. В непроизводственной сфере — активный досуг, возможность значимых положительных сдвигов в жизни, качественно лучшие жизненные шансы во всех областях жизни, принципиально иной, чем у остальных слоев населения, уровень обеспеченности недвижимостью

и товарами длительного пользования, наличие только у него реального социального капитала. В сфере особенностей сознания — наличие достижительных мотиваций, нонконформизм, ориентация на собственные силы, распространенность в его среде модернизированного типа сознания и т. д.

Итак, процесс роста российского среднего класса в случае сохранения стабильного экономического роста продолжится и в ближайшие годы, хотя само по себе это не гарантирует выполнение им тех функций, которые выполнял во второй половине XX в. средний класс в развитых странах. Это связано, с одной стороны, с особенностями развития самого российского среднего класса, а с другой — с тем, каким же путем пойдет дальнейшее, прежде всего экономическое, развитие России. Это, впрочем, отнюдь не означает, что несогласие среднего класса с избранным вектором развития, в случае закрепления за Россией в глобальной экономике только функций поставщика энергоресурсов и сырья, примет у него форму активного и институционализированного политического протеста. Более того, слабая политическая активность российского среднего класса, положительная динамика его положения в последние годы и отсутствие тех политических сил, которые, с его точки зрения, могли бы выражать его интересы, делают сценарий развития в нем протестного политического поведения практически невозможным.

В то же время значительная неполитическая активность среднего класса (движения автомобилистов, обманутых дольщиков, различного типа объединения в новых гомогенных по составу районах комплексной жилищной застройки и т. д.) не только свидетельствуют о его способности коллективно защищать свои интересы, но и вырабатывают у его представителей навыки самоорганизации, формируют опыт действий для их защиты. Поэтому в случае относительного ухудшения его положения (а при опережающем развитии вторичного сектора экономики, торговли и сферы услуг неинтеллектуального характера такое ухудшение объективно неизбежно) можно ожидать очень быстрой радикализации российского среднего класса. Однако учитывая сетевой и внеинституциональный характер опыта защиты российским средним классом своих интересов, а также отсутствие политических сил, в которых он видел бы выразителя своих классовых интересов, его политический протест скорее всего примет внеинституциональный характер.

Можно ли решать одновременно задачи роста численности среднего класса без понижения его качественных характеристик и превращения его в гаранта стабильного, прогрессивного и устойчивого развития страны по пути модернизации? Да, но в этом случае речь надо вести о целом комплексе мер государственной политики. Это и активная государственная экономическая, прежде всего инвестиционная и налоговая, политика, способствующая развороту российской экономики в сторону инновационной ее модели с опережающим ростом четвертичного сектора экономики и сектора интеллектуальных услуг (финансовых, образовательных, консалтинговых и т. д.), и изменение политики государства в области зарплаты бюджетников, где главное — даже не пресловутый рост зарплаты, хотя он необходим, а жесткая увязка ее с квалификацией и результативностью деятельности, и активная социальная политика государства, которая из аналога советского собеса должна превратиться в мощный инвестиционный инструмент, обеспечивающий институциональные предпосылки как для формирования инновационной экономики (за счет подготовки для нее соответствующих кадров), так и для расширения среднего класса. В рамках совершенствования государственной социальной политики должна быть преодолена и ситуация, когда демографический состав

домохозяйств может привести к изменению их классовой принадлежности — противоестественная для всех развитых стран ситуация.

Итак, будущее российского среднего класса и его роль в обществе напрямую зависит сейчас не только от его собственных усилий, но и от деятельности государства. Ситуация, очень напоминающая ту, которая сложилась в послевоенной Европе, где именно государство с помощью целого комплекса мер с период расцвета Welfarestate обеспечило и быстрый рост экономики, и рост численности среднего класса. И только переход к постиндустриальному этапу развития, когда развитие экономики привело к размыванию среднего класса, вызвал адекватные этому переходу изменения в моделях развития государства в целом и реализуемой им социально-экономической политики. В России же пока интересы развития страны и ее среднего класса объективно совпадают независимо от того, сознает ли это как российское государство, так и российский средний класс.

ЛИТЕРАТУРА

- Аврамова Е. М.* Формирование среднего класса в России: определение, методология, количественные оценки // *Общественные науки и современность*. 2002. № 1.
- Аникин В. А.* Средний класс и тенденции изменения социально-профессиональной структуры России. Средний класс в современной России / Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. — М.: Инфра-М, 2008.
- Аникин В. А., Лежнина Ю. П., Овчинникова Ю. В., Тихонова Н. Е.* Методика расчета индекса степени социокультурной модернизированности массовых слоев российского общества // *Коллективные научно-исследовательские проекты: Сборник тезисов и докладов*. — М.: ГУ-ВШЭ, 2007.
- Беляева Л. А.* Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. — М.: Academia, 2001.
- Горюнова С. В.* Средние слои и средний класс в современном российском обществе // *Общественные науки и современность*. 2006. № 4.
- Лежнина Ю. П.* Роль здоровья в борьбе с бедностью и эксклюзией у пенсионеров // *Социальная политика в современной России: реформы и повседневность* / Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. — М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008.
- Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Е. М. Аврамова, М. В. Михайлюк, Л. И. Ниворожкина и др. / Под ред. Т. М. Малевой. — М.: Гендальф, 2003.
- Тихонова Н. Е.* Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. — М.: ИС РАН, 2007.
- Тихонова Н. Е., Аникин В. А., Горюнова С. В. и др.* Концепция модернизации в работах классиков социологической мысли второй половины XIX — начала XX вв. // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2007. № 1.
- Тихонова Н. Е., Аникин В. А., Горюнова С. В. и др.* Эволюция концепции модернизации во второй половине XX вв. // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2007. № 2.
- Тихонова Н. Е., Горюнова С. В.* Теоретико-методологические проблемы анализа среднего класса // *SPERO*. 2008. № 2.